

конкурентоспособности за счет экологических свойств продукции.

Выводы. Учитывая особенности процесса экологизации мирового хозяйства, которые выступают основой обеспечения действенности системы нормативных экологических рычагов его развития, приоритетное значение приобретают инструменты их регулирования на национальном и международном уровнях. Речь идет, в первую очередь, о международном сотрудничестве в сфере разработки и реализации безопасных для окружающей среды моделей ведения бизнеса; принятии национальных и международных программ экологической безопасности с учетом интересов всех экономических сторон; повышении требований к экологической безопасности хозяйственной деятельности производственных предприятий стран мирового сообщества.

Список использованной литературы:

1. Андреева Н. Вплив екологічного фактора на формування сучасної системи міжнародних економічних відносин / Н. Андреева, С. Харичков // Регіональна економіка. – 2004. – № 2. – С. 146-147.
2. Рогожина Н. Новые тенденции в экологической политике развивающихся стран / Н. Рогожина // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 4. – С. 81-89.
3. Туниця Т. Міжнародні аспекти проблем екологізації економіки / Т. Туниця // Науковий вісник УкрДЛТУ: Екологізація економіки як інструмент сталого розвитку в умовах конкурентного середовища. – Львів : УкрДЛТУ. – 2005. – Вип. 15.6. – С. 238-241.
4. Daly H. Ecological economics : Principles and applications / H. Daly, J. Farley. – N.Y., 2010. – 544 p.
5. Esty D. Greening GATT : Trade, environment and future / D. Esty. – Washington : DC. – 1994. – 319 p.
6. Nordstrom H. Trade and Environment. Report of World Trade Organization / H. Nordstrom, S. Vaughan. – WTO. – 2000. – 127 p.
7. Рио+20. Конференция Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию. – [Электронный ресурс] / Рио-де-Жанейро, Бразилия, 20–22 июня 2012 г. – Режим доступа : www.un.org/ru/sustainablefuture/brochure.pdf.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРОЩЕНИЯ ДОЛГА И ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ УКРАИНЫ

Федор ШИМКО,

соискатель кафедры гражданского права и процесса факультета права и массовых коммуникаций Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

The article presents a study of current legislation of Ukraine, scientific works of Ukrainian and foreign scientists in order to identify common and distinctive features gift agreements and debt forgiveness in civil law of Ukraine. The necessity of taking of this founding of stopping of obligations to commutative, royalty-free contracts is grounded. The article listed arguments, proving feasibility of distinguishing debt forgiveness from donation contract.

Key words: forgiveness of debt, donation, deal, contract, comparative characteristics, free of charge.

Аннотация

В статье проводится исследование действующего законодательства Украины, научных трудов украинских и зарубежных ученых с целью определения общих и отличительных признаков договоров дарения и прощения долга в гражданском праве Украины. Обосновывается необходимость отнесения прощения долга к двусторонним, безвозмездным сделкам. Приводятся аргументы, подтверждающие целесообразность ограничения прощения долга от договора дарения.

Ключевые слова: прощение долга, дарение, сделка, договор, сравнительная характеристика, безвозмездность.

Постановка проблемы. В юридической литературе часто встречается утверждение о том, что освобождение кредитором должника от определенной обязанности, выраженное договором о прощении долга, необходимо рассматривать в качестве разновидности договора дарения. В связи с этим целесообразно провести детальный сравнительно-правовой анализ этих двух договоров с целью определения оптимального ответа на поставленный вопрос. Такой анализ предполагает необходимость сравнения существенных признаков указанных договоров.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы, так как в настоящее время практически нет ни одной фундаментальной работы, в которой были бы приведены аргументы самостоятельности прощения долга, как правового института.

Вопросу определения общих и отличительных признаков прощения долга и договора дарения в Украине и за рубежом посвятили свои труды О.И. Михно, А.В. Коструба, Н.В. Панченко, Р.Б. Шишка, Н.В. Коробцова, О.П. Печеный, Т.В. Боднар, В.В. Витрянский, М.И. Брагинский, О.Ю. Шилохвост и другие.

Целью и задачей статьи является определение общих и отличительных признаков прощения долга и договора дарения в гражданском праве Украины. Новизна работы заключается в том, что на основании комплексного научного исследования установлены признаки, подтверждающие, что прощение долга является самостоятельным гражданско-правовым договором, отличным от договора дарения.

Изложение основного материала. Статья 717 Гражданского кодекса Украины (далее – ГК Украины) устанавливает, что по договору дарения одна сторона (даритель) передает или обязуется передать в будущем другой стороне (одаряемому) безвозмездно имущество (дар) в собственность. Договор, устанавливающий обязанность одаряемого совершить в пользу дарителя любое действие имущественного или неимущественного характера, не является договором дарения [1].

В первую очередь, необходимо обратить внимание на закрепление указанных правовых институтов в гражданском законодательстве Украины. Отношения прощения долга урегулированы положениями Главы 50 «Прекращение обязательств» раздела I

«Общие положения об обязательствах» Книги пятой «Обязательственное право» ГК Украины [1]. В свою очередь, положения о договоре дарения содержатся в главе 55 «Дарение» раздела III «Отдельные виды обязательств» той же Книги ГК Украины.

Таким образом, на законодательном уровне установлено, что прощение долга является институтом «общей части» обязательственного права, а дарение, в свою очередь, выступает институтом «особенной части» обязательственного права. Теория права предполагает, что общие правовые нормы определяют правила поведения, которые могут применяться ко всем отношениям, детализированным специальными правовыми нормами; однако, специальные правовые нормы не могут регулировать абсолютно все гражданские правоотношения, правила поведения участников которых определены общими правовыми нормами. В противном случае, институт дарения необходимо было бы отнести законодателем к общей части обязательственного права, что, конечно же, является абсолютно абсурдным. О.Ю. Шилохвост также не согласен с тем, что правила об институте, который содержится в «общей части обязательственного права», законодателем предоставляются в «особенной части». Последнее никак не согласуется с традиционной для отечественного ГК пандектной системой кодификации гражданского права, одной из особенностей которой является наличие общих положений, «общей части», которая объединяет равно применимые ко всем правоотношениям институты» [2, с. 367-368].

В противоположность такому утверждению М.И. Брагинский утверждает, что поскольку прощение долга представляет собой освобождение кредитором должника от имущественного обязательства, которое осуществляется по соглашению сторон, оно превращается в предмет договора дарения [3, с. 456]. Если следовать логике М.И. Брагинского, можно было бы говорить, что во время прекращения обязательства по договоренности сторон они могут руководствоваться нормами института купли-продажи.

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что предпосылкой заключения договора прощения долга является наличие между сторонами определенного обязательственного

правоотношения, так как освобождение должника от определенного долга логично требует его существования. Именно поэтому прощение долга всегда наделяется производным характером по отношению к обязательству, которое существует между сторонами на момент его заключения. Это утверждение следует из его правовой природы, как право-прекращающего юридического факта.

В отличие от прощения долга, наличие действительного обязательства не является императивным требованием для заключения между участниками гражданских отношений договора дарения. Действительно, между сторонами могут существовать определенные обязательственные отношения, однако они никоим образом не влияют на сам договор дарения. Если согласиться с предположением, что прощение долга – разновидность договора дарения, нужно было бы согласиться, что кредитор может прощать несуществующий долг. В этом аспекте можно заметить, что договор дарения порождает обязательства, а договор прощения долга, наоборот, направлен на прекращение обязательственного правоотношения. Таким образом, уже этот факт свидетельствует о самостоятельном, обособленном от дарения характере института прощения долга.

Не менее важным критерием разграничения прощения долга и дарения является предмет указанных договоров, то есть то, о чем, собственно, стороны договариваются, по поводу чего они вступают в правоотношения [4, с. 250].

Статья 718 ГК Украины четко определяет, что предметом дарения (то есть даром) могут выступать: 1) вещи (движимые вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, а также недвижимые вещи); 2) имущественные права, которыми даритель владеет, или которые могут возникнуть у него в будущем [1]. Такой перечень является исчерпывающим: законодатель не наделяет участников гражданских отношений правом его расширять. Таким образом, предметом договора дарения является дар, а объектом правоотношения из договора дарения выступают действия дарителя, направленные на передачу указанного дара в собственность одаряемого безвозмездно. Из указанного вытекают и основные признаки договора дарения: 1) увеличение имущества (имущественных прав) одаряемого связано с уменьшением

имущества (имущественных прав) дарителя; 2) направленность договора на передачу имущества в собственность.

Изложенный подход к пониманию договора дарения можно считать классическим, воспринятым в большинстве национальных правовых систем стран мира. Кроме того, еще со времен римского права дарение обусловлено традицией (от лат. – tradition), то есть передачей вещи в собственность одаряемого.

Однако нельзя отрицать факт существования «расширенного» предмета договора дарения. Речь идет именно об определенных действиях дарителя, которые не связаны с передачей вещи в собственность, но определенным образом обогащают одаряемого. В отечественной гражданско-правовой литературе довольно часто можно найти поддержку позиции В.В. Витрянского по поводу охвата предметом дарения освобождения одаряемого от определенной обязанности перед дарителем, то есть прощения долга. В частности, ученый отмечает, что соглашение о прощении долга может быть квалифицировано, как договор дарения только в том случае, когда в нем положительно решен вопрос о безвозмездности (т. е. отсутствие какой-либо причинной обусловленности) действий кредитора по освобождению должника от возложенной на него обязанности и при явном намерении кредитора одарить должника безо всякого встречного предоставления в рамках всех взаимоотношений сторон [5, с. 187].

Согласиться с таким мнением крайне трудно. Во-первых, автор определяет в этом случае предмет договора, как «действия кредитора». Однако прощение долга не может по своей сущности выражаться определенным активным поведением «дарителя»: должник освобождает кредитора от обязанности, которая на момент заключения такой сделки не выполнена. Освобождение от долга всегда выражается пассивным поведением, выполнение которого подтверждается заключенным договором о прощении долга.

В прощении долга отсутствуют фундаментальные признаки дарения. В частности, отсутствует увеличение имущества одаряемого: освобождение лица от обязанности по определенному обязательству в любом случае не увеличивает его имущественное состояние, целесообразнее говорить о его неумень-

шении. Например, по договору займа кредитор передает денежные средства в собственность заемщику. Этот договор является реальным, а значит, увеличение имущества заемщика происходит в момент заключения договора займа. В дальнейшем кредитор освобождает заемщика от обязанности возврата денег на основании договора о прощении долга. Возникает логичный вопрос: как из такого «дарения» можно сделать вывод об увеличении имущества одаряемого? Очевидно, что его имущественное состояние увеличилось до момента заключения договора о прощении долга, а в результате его заключения – не уменьшилось. Из указанного аргумента также следует отсутствие обязательного признака направленности дарения на передачу имущества в собственность. Так, в частности, А.Н. Исаев отмечает, что действия дарителя, независимо от того, работы это или услуги, или иные правомерные действия, направленные на обогащение одаряемого, при отсутствии передачи имущества не могут быть предметом договора дарения [6, с. 106].

Во-вторых, изложенная аргументация В.В. Брагинского порождает сомнения в «тонкой грани» между прощением долга как способом прекращения обязательств и прощением долга как разновидностью договора дарения. Ведь с практической точки зрения фактически невозможно установить безвозмездность действий дарителя, которая опосредована «отсутствием какой-либо причинной обусловленности» в рамках всех отношений сторон. Необходимо отметить, что автор делает такие выводы, исходя не из общепризнанной правовой природы дарения, а исключительно из анализа предписаний ст. 572 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая устанавливает, что по договору дарения одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность, либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом [7, с. 152]. Таким образом, выводы В.В. Витрянского недопустимы для исследования института прощения долга в Украине.

На основании изложенного можно утверждать, что предметы договоров

дарения и прощения долга качественно отличаются друг от друга, что свидетельствует об обоснованности их ограничения друг от друга.

Из нормативно-правового предписания ст. 717 ГК Украины прямо вытекает главный признак договора дарения – его безвозмездность: законодателем установлено, что по такому договору одаряемый не должен осуществлять встречное предоставление имущества. Такая точка зрения рассматривается, как общепризнанная и в науке гражданского права. При этом дарение не теряет своих качеств даже при наличии определенного «символического» встречного предоставления. Еще Д.И. Мейер отмечал существование предрассудков, согласно которым нельзя одаривать острыми вещами и поэтому, когда дарится какая-нибудь острая вещь, например, кинжал, то одаряемый платит дарителю какую-нибудь мелкую монету: сделка, тем не менее, имеет характер дарения [8, с. 235]. То есть, такое взаимное предоставление не наделяет дарение характером возмездной сделки; речь, скорее, идет о нормах-традициях.

На безвозмездный характер дарения также не влияет возможность установления в таком договоре обязанности одаряемого в пользу третьего лица. В частности ч. 1 ст. 725 ГК Украины предусматривает, что договором дарения может быть установлена обязанность одаряемого совершить определенное действие имущественного характера в пользу третьего лица или воздержаться от его совершения (передать денежную сумму или другое имущество в собственность, выплачивать денежную ренту, предоставить право пожизненного пользования даром или его частью, не предъявлять к третьему лицу требований о выселении и т. п.) [1].

Таким образом, в договоре дарения получение дара может быть связано с обязанностями, которые имеют имущественный характер. При этом нет сомнений, что безвозмездный характер дарения сохраняется: если договором предполагается определенная обязанность, выраженная имущественным предоставлением, ее выполнение направлено в пользу третьего лица, которое не выступает в качестве стороны договора дарения. Кроме того, передача дара по рассматриваемому договору может быть обусловлена выполнением одаряемым

обязанностей, которые имеют неимущественный характер. Наступление отлагательного обстоятельства (рождение ребенка, окончание вуза) также не рассматривается, как встречное предоставление со стороны одаряемого.

Предоставлением первичного кредитора первичному должнику по договору прощения долга является освобождение последнего от обязанности. В свою очередь, из положений статьи 605 ГК Украины невозможно установить любое встречное предоставление первичного должника в пользу первичного кредитора. Заметим, что при отображении большинства видов возмездных договоров отечественный законодатель прямо устанавливает признаки встречного предоставления каждой стороны договора с указанием на соответствующие взаимные права и обязанности (договор купли-продажи, договор строительного подряда и т. п.), чего нельзя сказать о договоре прощения долга.

Ошибка большинства ученых заключается в «переносе» юридических обязанностей, существующих в рамках первоначального обязательства, в конструкцию договора о прощении долга. Как следствие, получается, что в договоре прощения долга одна сторона (первичный кредитор) обязуется освободить от части долга другую сторону (первичного должника), которая, в свою очередь, обязуется исполнить «непрощенную» часть долга, определенного первичным обязательством. Таким образом, делается вывод о наличии встречного предоставления между сторонами прощения долга. Неправильность такого подхода очевидна: на момент заключения договора о прощении долга возникает ситуация, когда прекращается первичное обязательство и возникает новое, по которому должник должен выполнить только определенную согласно новому договору часть первичной обязанности. Очевидно, что в таком случае речь идет не о прощении долга, а о новации (статья 604 ГК Украины). Мы согласны с высказываниями Н.В. Коробцовой и О.П. Печеного о том, что когда «прощение» предполагает наличие любого встречного предоставления имущественного характера со стороны должника, оно находится за пределами данной юридической конструкции [4, с. 115].

В рамках сравнительного анализа необходимо отметить, что прощение долга,

в отличие от дарения, нельзя рассматривать в качестве условной сделки. Формально-юридический анализ договора прощения долга свидетельствует, что такая сделка не может содержать никаких отлагательных или отменяющих обстоятельств. Конструкция статьи 605 ГК Украины не устанавливает, что кредитор может освободить должника от обязанности при наличии определенных обстоятельств. То есть, достижение согласия между сторонами договора прощения долга влечет прекращение основного обязательства частично или в полном объеме. На наш взгляд, исключительная безусловность прощения долга обусловлена его природой, как основания прекращения обязательств. Желание сторон прекратить определенное обязательство исключает возможность его сочетания с отлагательными или отменяющими обязательствами имущественного или неимущественного характера.

На основании изложенного можно утверждать, что безвозмездность является общим признаком договоров дарения и прощения долга. При этом для дарения присуща дифференциация на условные и безусловные договоры в отличие от прощения долга, которое следует рассматривать исключительно в качестве безусловного договора.

Легальное определение договора дарения устанавливает, что он может конструироваться, как реальный или консенсуальный договор [4, с. 250]. Иными словами, стороны могут согласовать, что моментом заключения договора является получение дарителем ответа о принятии предложения от одаряемого о передаче дара в будущем. Или же наоборот, передача имущества одаряемому свидетельствует о заключении реального договора дарения.

В свою очередь, возможность передачи вещи от одной стороны другой в договоре прощения долга находится за пределами этой правовой конструкции. Кроме того, объективная невозможность установления срока между моментом заключения договора прощения долга и моментом исполнения обязанности должником (кредитором по первичному обязательству) свидетельствует о нецелесообразности характеристики до-

говора прощения долга с точки зрения консенсуальности. Таким образом, сравнение прощения долга и дарения в зависимости от момента, с которого у сторон соответствующего договора возникают гражданские права и обязанности, является неприемлемым.

Прощение долга необходимо рассматривать исключительно в качестве одностороннего договора, в котором одна сторона обладает только правом, другая – только обязанностью. В свою очередь, изложенная характеристика договора дарения дает основания утверждать, что в зависимости от содержания такой сделки договор может быть как односторонним, так и двусторонним.

Договор дарения является, как правило, односторонним: одаряемый становится собственником вещи (или имеет право требовать передачу ему дара), то есть не принимает на себя никаких обязательств, а даритель передает (или обязуется передать) имущество, не получая при этом никаких прав требования к одаряемому [4, с. 250]. Однако установление в договоре определенной обязанности одаряемого в пользу третьего лица (передать денежную сумму, выплачивать денежную ренту, предоставить право пожизненного пользования даром, не предъявлять требований к третьему лицу о выселении и т. п.), автоматически превращает дарение в двусторонний договор. При этом, как было установлено, наличие не кредиторской обязанности одаряемого не превращает дарение в возмездную сделку.

Наделение каждой из сторон договора прощения долга правами и обязанностями, конечно же, не превратит его в возмездную сделку. В таком случае прощение долга трансформируется в договор о прекращении обязательства по договоренности сторон, что следует из положений ст. 604 ГК Украины.

Следовательно, необходимо сделать вывод, что дарение можно рассматривать как одно-, так и двусторонний договор, а прощение долга – исключительно в качестве одностороннего договора.

Выводы. Изложенное сравнительно-правовое исследование дает основания утверждать, что прощение долга является самостоятельным гражданско-

правовым договором, отличным от договора дарения. Безвозмездность, как общий признак сравниваемых договоров, не может быть основанием для рассмотрения прощения долга в качестве разновидности дарения. Отличие предмета каждого из сравниваемых договоров доказывает обоснованность позиции отечественного законодателя при построении ГК Украины относительно выражения предметом дарения исключительно вещей и имущественных прав.

Список использованной литературы:

1. Цивільний кодекс України [Текст]: Закон України від 16 січня 2003 року № 435-IV. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.
2. Шиловост О.Ю. О прекращении обязательств прощением долга // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: Сборник памяти С.А. Хохлова. – М., 1998. – с. 353-372.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. – Кн. 1. Общие положения. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2001. – 842 с.
4. Цивільне право України: підручник: у 2 т. / В.І. Борисова (кер. авт. кол.), Л.М. Баранова, Т.І. Бегова та ін.; за заг. ред. В.І. Борисової, І.В. Спасиво-Фатєєвої, В.Л. Яроцького. – Х.: Право. – 2011. – Т. 2. – 816 с.
5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая. Договоры о передаче имущества. – Москва: Статут, 2004. – 800 с.
6. Исаев А.М. До питання про предмет договору дарування / А.М. Исаев // Теорія і практика правознавства. – Х.: Б. в., 2012 – № Вип. 1 (2) / 2012. – С. 98-107.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации: Части первая, вторая, третья и четвертая. – М.: Издательство «Омега-Л», 2012. – 473 с. – (Кодексы Российской Федерации).
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Том II. // 3-е издание, исправленное сообразно определениям новейшего законодательства. – СПб, издание Николая Тиблена, 1864. – 789 с.